

Кристель Дабо

КНИГА 4

СКВОЗЬ ЗЕРКАЛА
Граница миров

КомпасЛид
издателски дом

Сквозь зеркала

Кристель Дабо
Граница миров

ИД "КомпасГид"

2019

УДК 821.133.1-053.6

ББК 84(4Фра)

Дабо К.

Граница миров / К. Дабо — ИД "КомпасГид", 2019 — (Сквозь зеркала)

ISBN 978-5-00083-731-3

«Где-то во Вселенной, словно гигантские дирижабли, парят ковчеги...» С этих слов началась история Офелии. И эти слова долгие годы оставались загадкой. Почему мир ковчегов именно такой? Что означает уникальная способность скромной девушки с Анимы – читать вещи? А главное: возможен ли ещё хоть какой-то покой на Аниме, Полюсе, Вавилоне и других ковчехах?..

Заключительная часть тетралогии «Сквозь зеркала» заставит главную героиню пуститься в расследование столь опасное и сложное, что у Офелии из «Обручённых холодом» не было бы ни единого шанса выжить и узнать всю правду. Да и повзрослевшая Офелия столкнётся с беспринципным и страшным противником, намного превосходящим её по силам. Он известен под прозвищем Другой, а его подлинное имя неизвестно никому... Или почти никому?.. Двадцать один ковчег, зависший в пространстве. Потрясающая магия, уникальная для каждого ковчеха. Интриги, скандалы, предательства и преступления. Любовь, которая сильнее смерти. Всё это заставляло нас с нетерпением ждать новых книг Кристель Дабо, и финал истории не разочарует. Даже больше: он раскроет нам ту тайну, о которой мы даже не подозревали. Тетралогия «Сквозь зеркала» французской писательницы Кристель Дабо (родилась в 1980 году) – это целая альтернативная реальность, замысловатая и непредсказуемая, но продуманная до мельчайших деталей. Мировой тираж этой серии исчисляется миллионами экземпляров, интернет по всему миру заполнен тысячами фан-артов и фанфиков, а трёхцветные шарфы стали обязательным аксессуаром для подлинных поклонников Дабо. Мир, придуманный ею, – такой же феномен, каким стали когда-то «Гарри Поттер» и «Игра престолов», и многочисленные премии это подтверждают.

УДК 821.133.1-053.6

ББК 84(4Фра)

ISBN 978-5-00083-731-3

© Дабо К., 2019

© ИД "КомпасГид", 2019

Содержание

Краткое содержание третьей книги «Память Вавилона»	7
Персонажи	8
Офелия	8
Торн	9
Арчибальд	10
Тетушка Розелина	11
Беренильда и Виктория	12
Ренар и Гаэль	13
Элизабет и Октавио	14
Лазарус и Амбруаз	15
Духи Семей	16
Артемида	17
Фарук	18
Елена и Поллукс	19
Бог	20
Другой	21
Recto[4]	22
Из-за кулис	22
Пустота	25
Подпись	30
Дом	36
Посланица	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Кристель Дабо

Сквозь зеркала. Кн. 4. Граница миров

La Passe-Miroir: La tempête des échos

© Gallimard Jeunesse, 2019

Published by arrangement with Lester Literary Agency & Associates

© Издание на русском языке, перевод на русский язык. ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2020

Краткое содержание третьей книги «Память Вавилона»

Спустя почти три года томительного ожидания Офелия обнаруживает следы Торна на многонациональном ковчеге Вавилон, населенном как коренными жителями, так и выходцами с других ковчегов. Этот ковчег славится своими сверхсовременными достижениями в области культуры и технологии. Офелия попадает на Вавилон благодаря Гаэль, Ренару и Арчибальду, которые уже много месяцев исследуют пространство с помощью Роз Ветров в поисках невидимой Аркантерры.

Прибыв на ковчег, где правят близнецы Поллукс и Елена, Офелия поступает в школу «Дружная Семья» под вымышленным именем Евлалия, чтобы выяснить, какова подлинная сущность Бога. Но тут она сталкивается со Светлейшими Лордами и с заговором молчания, который, как ни странно, царит в Мемориале – огромной библиотеке и центре информации Вавилона. Ее расследование провоцирует странные смерти: лица погибших людей выражают безграничный ужас...

Благодаря упорной учебе Офелии наконец удается разыскать Торна в самом сердце вавилонского Мемориала, где он укрылся, чтобы попытаться напасть на след Бога. К великому изумлению Торна и Офелии, этот след обнаруживается... в детских сказках, принадлежащих перу некой Евлалии Дуаль.

Но если Бог – это Евлалия, тогда кто же тот загадочный Другой, *alter ego*¹, которого Офелия некогда освободила, пройдя через зеркало, и который вызывает обрушение ковчегов? И что это за эхо, странные отголоски, которые Лазарус – один из пособников Бога – считает «ключом ко всему»?

---

¹ Второе «я», подобие (лат.). (Здесь и далее примеч. переводчиков.)

Персонажи

Офелия

Офелия живет на ковчеге Анима; после того как она отказала двум женихам, ее заставляют выйти замуж за Торна, уроженца ковчеге Полюс. Девушка обладает двумя волшебными свойствами: она может *читать* руками историю вещей и проходить сквозь зеркала. В детстве, во время первого такого путешествия, она застряла между двумя зеркалами, после чего стала донельзя неуклюжей, начала говорить тоненьким, еле слышным голоском и обнаружила редкостный талант навлекать на себя всяческие неприятности.

Маленькая хрупкая девушка скрывает свою застенчивость за очками с прямоугольными стеклами, цвет которых меняется в зависимости от ее настроения, и никогда не расстаётся со старым трехцветным шарфом, заразившимся от нее анимизмом. Родные укоряют Офелию за то, что она носит наглухо застегнутые старомодные платья и перчатки для *чтения*, расплзающиеся на нитки, поскольку хозяйка нервно кусает их в минуты волнения, даром что они волшебные. Но ради того, чтобы ее не узнали на Вавилоне, Офелия без сожаления расстанется со своими роскошными темными кудрями, сменив их на короткие непокорные вихры, а также со своим пальто и шарфом, вместо которых наденет мундир роты предвестников в школе «Дружная Семья».

Под неприметной внешностью Офелии скрываются решительность и упорство в любых испытаниях. Поначалу беспомощная перед жестокими нравами Полюса, она отказывается подчиняться чужим замыслам, если это идет вразрез с ее чувством справедливости. Настойчивая и волевая, она больше двух лет разыскивала своего исчезнувшего мужа Торна и наконец, встретив его, призналась в любви и обрела в нем самого верного союзника. В стремлении разгадать сущность Бога и понять причину катастрофы, расколовшей мир на множество ковчегов, она становится всё бесстрашнее и изобретательнее.

Торн

Торн – суперинтендант Полюса – полная противоположность маленькой и добросердечной Офелии: это угрюмый и желчный великан с грубыми манерами. Он незаконнорожденный сын человека из клана Драконов и поэтому для всех чужой; только Беренильда, его тетка по отцу, оказывает ему покровительство. От своей матери, принадлежащей к Отверженным – клану Летописцев, впавшему в немилость при Дворе, – он унаследовал феноменальную память. Облик Торна под стать его характеру: он суров и холоден, как лед, покрывающий его родной ковчег, и, будучи убежденным мизантропом, не терпит беспорядка и верит только цифрам. Все свои действия он сверяет с карманными часами, с которыми никогда не расстается. Однако со временем проявляется его истинная суть – отвращение к насилию, яростное желание защитить дорогих ему людей и нестигаемое чувство долга. Он рассчитывает на свойство Офелии *читать* предметы и надеется, что с ее помощью раскроет тайну Книги Фарука – Духа Семьи Полюса. К несчастью, ситуация выходит из-под его контроля: чудовищный заговор, в который он нечаянно втягивает свою невесту и тетку, не раз ставит под угрозу жизни всех троих.

Решив больше никогда не вовлекать Офелию в свои дела, Торн исчезает, чтобы продолжить поиски Бога и той безжалостной силы, которая тайно управляет жизнью ковчегов. Когда он вновь объединяется с Офелией, каждый из них открывает в себе множество достоинств, словно их недостатки и слабости перестают существовать в глазах другого. Лицо и тело Торна изуродованы шрамами, но под грубой оболочкой скрываются блестящий ум и страстное желание защитить своих близких, принести добро в окружающий жестокий мир.

Арчибальд

Арчибальд – член клана Паутины, наделенный самыми разнообразными свойствами, основанными на врожденной телепатии. Он состоит в ранге посла Полюса, хотя никто не знает точно, в чём заключаются его обязанности, поскольку от посла ждут главным образом некоторого дипломатического чутья. Между тем ни наружностью, ни характером Арчибальд совершенно не соответствует своему высокому положению: неряшливый и беспечный бонвиван, он всегда говорит то, что думает, не заботясь о реакции собеседника. Как это ни парадоксально, в обществе его выходки вызывают у одних безмерное уважение, а у других глубокое презрение. Тем не менее окружающие всегда снисходительны к Арчибальду: ангельская красота, высокая придворная должность и почтительный страх, который внушает клан Паутины, – всё это поддерживает его престиж, хотя он непрерывно компрометирует себя.

За вызывающей бравадой Арчибальда скрываются живой ум и глубокая меланхолия. Внешне беспечный, Арчибальд на самом деле грозный политический стратег; он умело создает впечатление, что действует исключительно в корыстных интересах, хотя большинство его поступков позволяют Офелии, Беренильде и даже Торну выжить в противостоянии с врагами. После того как он был похищен прямо из посольской резиденции – замка Лунный Свет, который считался самым безопасным местом в Небограде, – Паутина разорвала с ним отношения. И Арчибальд, лишившись своего поста и всех привилегий, превращается в бродягу. Но при этом он открывает в себе способность находить «краткие пути» – волшебные коридоры Розы Ветров, позволяющие мгновенно перемещаться с одного конца света на другой...

Тетушка Розелина

Тетушка Розелина не ожидала, что ее отправят на Полюс в качестве компаньонки Офелии. Своим скрипучим голосом и железным характером она напоминает плохо смазанные дверные петли, зато никогда не теряет чувства реальности.

За ее строгим пучком на голове и чопорной осанкой дуэньи скрываются мощный материнский инстинкт и благородство, непоколебимое даже во враждебной среде. Ее семейное свойство заключается в особых отношениях с бумагой, и нередко тетушка Розелина, желая развеять скуку или успокоить нервы, реставрирует все находящиеся поблизости книги или обои. Она ненавидит лютый холод Полюса, зато преданно любит свою крестницу Офелию и обожает Беренильду, с которой у нее завязалась искренняя и крепкая дружба. Исполнив свою миссию наставницы, тетушка Розелина вынуждена вернуться на Аниму, где смертельно скучает по Полюсу и Беренильде – хотя ей легче сжевать свои любимые книги, чем сознаться в этом. Вот почему при первом же удобном случае она без колебаний входит в Розу Ветров и возвращается к своей новой семье, чтобы поддержать ее в трудный час.

Беренильда и Виктория

«Прекрасна и безжалостна» – вот первые слова, которые приходят на ум при взгляде на красавицу Беренильду, тетку Торна и единственную выжившую из клана Драконов. Она фаворитка правителя Полюса – Фарука, и окружающие, восхищаясь ее красотой, боятся интриг, которые она плетет в Небограде. Распри в кланах и коварство придворных стоили жизни ее мужу Николасу и их троим детям: Томасу, Марион и Пьеру. Снедаемая яростью, болью и желанием снова стать матерью, она не останавливается ни перед чем, чтобы упрочить свое положение при дворе. Ее взбалмошный характер часто ставит Офелию в сложные ситуации, но, несмотря на суровое обращение с девушкой, Беренильда очень привязана к ней.

Беренильда обладает особым статусом, ведь она собирается дать жизнь первому за последние несколько веков прямому потомку Духа Семьи. И хотя Беренильда явно презирает Арчибальда, она безраздельно верит в его порядочность и доброту и соглашается выбрать его крестным отцом своей дочери Виктории. Молва утверждает, что Беренильда и Виктория – единственные люди, к которым Фарук искренне привязан и о которых заботится. И это очень кстати, ибо волшебный дар Виктории позволяет ей раздваиваться, посылая вместо себя в *путешествия* двойника-астрала, которого способны видеть только Бог и Фарук. Чтобы спасти последнего ребенка, который у нее остался, Беренильда не раздумывая выпустит когти...

Ренар и Гаэль

Ренар, чье настоящее имя Рено², служит в замке Лунный Свет у Клотильды, бабушки Арчибальда. Это рыжеволосый великан с непокорным, как и его шевелюра, нравом. Когда Офелия приезжает в замок Лунный Свет под видом Мима, лакея Беренильды, Ренар берет ее под свою защиту и посвящает в тайны двора в обмен на первые полученные ею чаевые. После смерти своей госпожи он попадает в тюрьму из-за судебной ошибки, но Офелия, ставшая к этому времени вице-рассказчицей Фарука, берет его на службу в качестве помощника. Ренар – надежный друг, и на его крепкое плечо всегда можно опереться. Уже много лет он любит и почитает Гаэль, девушку-механика, работающую, как и он, в замке Лунный Свет.

Гаэль, которой покровительствует Матушка Хильдегард, – последняя из клана Нигилистов, способного лишать других их волшебной силы. Желая скрыть свое происхождение и свойство разоблачать любой оптический обман, она красит светлые волосы в черный цвет и носит черный монокль. Более сдержанная, чем Ренар, она втайне любит его, но никогда не признается в этом прямо. Благородная, чуждая притворства, Гаэль ненавидит придворные интриги и помогает Офелии.

---

² Ренар (*фр. Renard*) – лис; прозвище, полученное Рено из-за его рыжих волос.

Элизабет и Октавио

Элизабет, курсантка-виртуоз школы «Дружная Семья», возглавляет подразделение предвестников. Она помогает Офелии освоиться на Вавилоне и в Школе. Эта высокая стройная девушка с лицом, осыпанным веснушками, занимается базами данных и способна усвоить море информации, но напрочь лишена чувства юмора. И хотя сама Элизабет – бесправная на Вавилоне, она оказывается одним из немногих союзников Офелии среди предвестников.

В отличие от Элизабет, которая принадлежит к Крестникам Елены, Октавио – знатный юноша, потомок Поллукса. Будучи визионером, он наделен сверхмощным свойством видения так же, как и его мать, Леди Септима, преподаватель школы «Дружная Семья». Октавио мечтает стать виртуозом среди предвестников, но хочет заслужить эту почетную степень собственными силами, без помощи матери, которая добивается для него первенства в Школе. Абсолютно не приемля методы Леди Септимы, юноша проникается дружескими чувствами к Офелии, желая доказать ей, что он благородный человек, хотя рискует при этом оказаться втянутым в опасные ситуации, с которыми ему трудно будет совладать.

Лазарус и Амбруаз

Лазарус, известный исследователь, путешествует по ковчегам. Однажды, надев скафандр собственного изобретения, он даже попытался проникнуть в пустоту между ковчегами и сфотографировать Ядро Мира, но ему это не удалось из-за какой-то неведомой космической силы. Когда Лазарус не путешествует по свету, он занимается изобретениями: благодаря ему Вавилон владеет большим количеством роботов, которые должны заменять живых слуг. К несчастью, за его веселой дружелюбной внешностью скрывается слепая преданность Богу. И его цели, возможно, не так благородны, как кажется на первый взгляд.

Амбруаз, сын Лазаруса, полная противоположность отцу, сама невинность и доброта. Он обладает врожденной аномалией: на месте левой руки у него находится правая, и так же перепутаны ноги. Поэтому он передвигается в инвалидном кресле и надеется стать таксистом³, чтобы возить людей по всему Вавилону. Он был первым, кого Офелия увидела по прибытии на этот незнакомый ей ковчег, и вызвался помочь ей. Однако он знает о существовании Бога и о причастности своего отца к грандиозному заговору, который грозит разрушить миропорядок. И в то время как Офелия поступает в «Дружную Семью» и шлет ему оттуда отчаянные письма, ответные телеграммы от юноши становятся всё короче и приходят всё реже. Она будет думать, что он отрекся от нее, в то время как Амбруаз решит, что она – тот самый Другой, таинственное существо, которое разрушает ковчеги.

---

³ На Вавилоне – таксист, которого подзывают свистом.

Духи Семей

Никто достоверно не знает, откуда появились Духи Семей и какой катаклизм лишил их памяти. Бессмертные и могущественные, они существуют уже много веков, во всём руководствуясь Книгами – древними манускриптами, изготовленными из материала, похожего на человеческую кожу. Эти странные, загадочные фолианты написаны на неведомом языке и заключают в себе тайны, которые не в силах разгадать даже самые опытные *чтецы* Анимы и других ковчегов. Все Духи передали магические свойства, которыми они обладают, своим человеческим потомкам и правят ковчегами каждый на свой манер, никогда их не покидая.

Артемида

Артемида, рыжеволосая великанша, Дух Анимы, страстно любит звезды, с головой ушла в их изучение. Она редко общается со своими потомками, но неизменно доброжелательна к ним. И, похоже, равнодушна ко всему, что касается прошлого.

Фарук

Фарук, Дух Полюса, капризен и своенравен, как избалованный ребенок. Его память настолько слаба, что он записывает все свои мысли и решения в блокнот, который носит за ним референт, но мощь его психических сил огромна. Он никогда не пытался обуздать их, и поэтому волны энергии, которую он излучает, вызывают сильнейшую головную боль у окружающих. Фарук, как и все Духи Семьи, божественно красив, но такой неживой красотой, словно высечен из мрамора. Он часто пребывает в апатии и абсолютно ко всему безразличен. В нем живет лишь одно неугасимое желание – расшифровать Книгу и раскрыть тайну своего прошлого.

Елена и Поллукс

Близнецы Елена и Поллукс, Духи Вавилона, составляют взаимодополняющую пару: Поллукс – воплощение красоты, Елена – воплощение интеллекта. В отличие от других Духов Семьи, Елена внешне уродлива, нескладна, передвигается на колесиках, скрытых под широким кринолином, и пользуется автоматическими руками. Не имея потомков, она посвящает себя защите тех, кто лишен волшебных свойств, – так называемых Крестников Елены. А Поллукс испытывает почти отеческие чувства к своим потомкам, которых называют Детями Поллукса. Елена и Поллукс, страстные поклонники знаний, руководят созданной ими школой «Дружная Семья», воспитывающей элиту страны, и Мемориалом – огромной библиотекой, возведенной еще до Раскола и, по слухам, сохраняющей коллективную память человечества. Они правят на самом космополитичном ковчеге, куда приезжают люди со всего света. Если на Аниме жить легко и приятно, а на Полюсе царят интриги и распушенность, то на Вавилоне жизнь подчинена неукоснительному соблюдению законов и стремлению к знаниям. Однако, похоже, всем невидимо управляют Светлейшие Лорды, и горе тем, кто посмеет вмешаться в их игру!

Бог

Он может принимать обличье и свойства всех людей, с которыми близко сходится.

Он хочет добиться последней, исключительной власти, которой ему не хватает, – власти над пространством Аркантерры.

Он связан с маленькой романисткой из Вавилона.

Его подлинное имя – Евлалия Дийё.

У него нет отражения.

Он разыскивает Другого.

Другой

Никто, за исключением Бога, не знает, кто он такой и на что похож.
Офелия освободила его во время своего первого прохода сквозь зеркало.
Он почти полностью разрушил древний мир.
И сегодня снова взялся за свое.

* * *

Тебе, мама.

Меня вдохновляло твое мужество.

К. Д.

- Ты невозможен.
- *Невозможен?*
- Ну, маловероятен, если тебе так больше нравится.
- ...
- Ты меня слушаешь?
- *Я тебя слушаю.*
- Тем лучше. А то мне слегка одиноко.
- *Слегка?*
- Нет, на самом деле очень. Мои молчалники... то есть начальники... редко спускаются сюда поговорить со мной. Я им еще не рассказывала о тебе.
- *О тебе?*
- Нет, о тебе, а не обо мне.
- *Обо мне.*
- Вот именно. Не знаю, пойдут ли они тебя... то есть поймут ли они тебя. Даже я и то не проверена... то есть не уверена, что понимаю тебя. Мне и себя-то трудно понять.
- ...
- Ты еще не назвал мне свое имя.
- *Еще не назвал.*
- Однако мне кажется, что мы намечаем... то есть начинаем узнавать друг друга. Вот я
- Евлалия.
- *А я – это я.*
- Интересный ответ. И откуда же ты возник?
- ...
- Понимаю. Я задала довольно сложный вопрос. Тогда скажи, где ты сейчас?
- *Здесь.*
- Где это – здесь?
- *Позади.*
- Позади? Но... позади чего?
- *Позади того, что позади.*

Recto⁴

Из-за кулис

Он смотрит на зеркало: оно ничего не отражает. Но это не страшно, здесь главное – само зеркало. Простенькое, не очень большое, чуточку криво висит на стене. Словом, похоже на Офелию.

Его палец скользит по отражающей поверхности, не оставляя на ней никакого следа. Вот здесь всё и началось, хотя можно сказать и наоборот: не началось, а кончилось. В любом случае, именно здесь всё стало по-настоящему интересным. Он часто вспоминает – так ясно, словно это было только вчера, – о первом проходе Офелии сквозь зеркало той знаменательной ночью.

Он делает несколько шагов, привычно, как завсегдатай, проходя по комнате; бросает взгляд на старые игрушки, которые мельтешат на полках, и останавливается перед двухъярусной кроватью. Сначала Офелия занимала ее вдвоем со старшей сестрой, потом с младшим братом – перед тем как спешно покинуть Аниму. Кому и знать это, как не ему, ведь он долгие годы внимательно следит за ней – тайком, словно из-за кулис. Она всегда предпочитала нижнюю кровать. Родные так и оставили на постели смятые простыни и подушку с ямкой, как будто все они ждали, что она вот-вот вернется домой.

Он наклоняется и с улыбкой разглядывает карту главных ковчегов (их двадцать один), приколотую кнопками на изпзде верхней кровати. Укрывшись в своей комнате, подальше от глаз Настоятельница, Офелия старательно изучала ее в надежде хоть что-нибудь узнать о пропавшем муже.

Он спускается по лестнице и пересекает столовую, где остывает еда на тарелках. Здесь никого нет. Наверняка все выбежали посреди ужина – услышали про дыру. В этих опустевших помещениях у него возникает чувство, словно он находится здесь, действительно находится. Да и сам дом как будто растревожен его вторжением: люстры дребезжат, когда он проходит под ними, мебель поскрипывает, напольные часы встречают звонким вопросительным ударом. Вот это ему кажется самым забавным у анимистов. В конце концов перестаешь понимать, кто тут хозяин – вещь или человек, которому она принадлежит?

Выйдя из дома, он неторопливо шагает в конец улицы. Спешить ему некуда. Он любопытен – что да, то да! – но никогда не спешит. Хотя теперь времени осталось мало – как для всех, так и для него.

Он подходит к кучке соседей, собравшихся вокруг того, что они называют дырой; люди тревожно переглядываются. Дыра посреди тротуара напоминает открытый люк, но, когда в него направляют фонари, никакой свет внутрь не проникает. Кто-то пытается измерить ее глубину и разматывает клубок веревки, которая скоро кончается, так и не достигнув дна. С утра никакой дыры тут не было; тревогу подняла одна из Настоятельница, чуть не провалившаяся в эту брешь.

Он не может сдержать улыбку. Всё это, мадам, только начало.

Среди собравшихся он замечает отца и мать Офелии; они же, как всегда, не видят его. В их глазах застыло одинаковое недоумение. Они не знают, куда подевалась их дочь, – им даже неизвестно, что эта дыра в тротуаре возникла по ее вине, – но нетрудно догадаться, что нынче вечером они думают о ней больше, чем когда-либо. И судорожно прижимают к себе остальных

---

⁴ Здесь: лицевая сторона (*лат.*).

детей, хотя и не могут ответить на их расспросы. Красивые, рослые дети, пышущие здоровьем. Лучи фонарей пляшут дружными отблесками на их золотистых кудряшках.

Он размышляет о том, что Офелия неспроста выглядит рядом с ними чужой.

Прогулка продолжается. Еще пара шагов – и вот он уже на другом конце света, на Полюсе, где-то между верхними уровнями и подземельями Небограда, в замке Беренильды, у входа. Это поместье в окружении вечной осени знакомо ему так же хорошо, как дом Офелии. Он ведь побывал всюду, где проходила она. Когда Офелия служила Беренильде лакеем, он был рядом. Когда она стала вице-рассказчицей Фарука, он был рядом. Когда она разыскивала людей, пропавших в Лунном Свете, он тоже был рядом. Словом, внимательно, с возрастающим интересом наблюдал за всеми ее злоключениями, но всегда тайком, никогда не показываясь из-за кулис.

Ему нравится регулярно пересматривать самые знаменательные моменты истории, великой истории, истории их всех. Что было бы с Офелией, если бы Беренильда не выбрала ее из числа прочих *чтиц* в невесты племяннику? Разве смогла бы когда-нибудь эта девушка встать на пути того, кого они именуют Богом? Конечно нет. История просто пошла бы иным путем. Каждый должен сыграть свою роль, как и он сыграет свою.

Когда он пересекает вестибюль, до него вдруг доносится чей-то голос из красной гостиной. Он заглядывает в проем между полуоткрытыми дверными створками. И видит тетку Офелии, которая расхаживает взад-вперед по экзотическому ковру, такому же иллюзорному, как картины с охотничьими сценами и фарфоровые вазы. Она то скрещивает, то разжимает руки, размахивает телеграммой, заскорузлой от ее анимистских манипуляций, говорит о каком-то высохшем озере, похожем теперь на унитаз со спущенной водой, обзывает Фарука «бельевым корытом», Арчибальда – «скользким обмылком», Офелию – «часами с кукушкой», а некий медицинский корпус сравнивает с «публичным сортиром». Беренильда, сидящая в глубоком кресле, ее не слушает. Она тихонько напевает, расчесывая гребнем длинные белые волосы своей дочери, чье маленькое тельце прильнуло к материнскому. Для ушей Беренильды, похоже, не существует ничего, кроме этого тихого детского дыхания у нее под руками.

Он торопливо отводит взгляд. Он отводит взгляд всякий раз, как дело доходит до личных чувств. Он всегда отличался любопытством, но никогда не был соглядатаем.

И только тут он замечает рядом с собой человека, сидящего прямо на полу, спиной к стене, в полутемном коридоре; человек яростно начищает ствол охотничьего ружья. Похоже, дамы – обитательницы замка – нашли себе телохранителя.

Он продолжает свою прогулку. Одним прыжком покидает вестибюль, замок, Небоград, Полюс и оказывается на другом конце света. Теперь он на Вавилоне. Ах, этот Вавилон! Его любимый объект изучения! Ковчег, чья история, чье время скоро подойдут к концу, точка схождения всех путей...

На Аниме был вечер, а здесь сейчас утро. На кровли обрушивается буйный ливень.

Он бродит по садовым аллеям «Дружной Семьи», как бродила по ним Офелия во время своей учебы в роте предвестников. Она была в одном шаге от получения нового серебряного галуна и статуса жительницы Вавилона, что открыло бы великолепные возможности для ее расследования. Но она потерпела неудачу – к счастью, как он полагал. Это сделало его тайные наблюдения еще более захватывающими.

Он взбирается по винтовой лестнице на верхушку сторожевой башни. Отсюда, несмотря на дождь, он различает вдали соседние мелкие ковчегии: прямо по курсу – Мемориал, за ним – Наблюдательный центр девиаций. Эти два объекта сыграют решающую роль в истории.

В это время дня курсанты-виртуозы «Дружной Семьи» уже должны были надеть мундиры, наушники и сидеть в амфитеатре: Дети Поллукса по одну сторону, Крестники Елены – по другую. Но вместо этого все они столпились на крепостной стене малого ковчега. Стоят там в промокших насквозь пижамах и испуганно кричат, указывая друг другу на город, смутно видимый за морем облаков. И даже их директриса Елена – единственный Дух Семьи, не имею-

щий потомства, – собственной персоной явилась туда и стоит среди них под огромным зонтом, пристально следя за этой природной аномалией.

А он разглядывает их всех со своего удобного пункта наблюдения. Или, вернее, пытается смотреть вокруг их испуганными глазами и видеть, как они, эту пустоту, что заполонила сегодня всё пространство.

И снова он не может сдержать улыбки. Слишком долго он скрывался за кулисами; настало время выйти на сцену.

Пустота

Офелия сохранила незабываемое впечатление от ботанического сада Поллукса. Это было первое, что она увидела на Вавилоне. Ей вспоминались величественные террасы, уступами идущие вверх, и бесчисленные лестницы, которые пришлось одолеть, чтобы выбраться из густых зарослей.

И еще она вспоминала запахи. Краски. Звуки.

От всего этого ничего не осталось.

Оползень унес в пустоту всё до последней травинки. Он поглотил целый мост, половину близлежащего рынка и множество мелких ковчегов. А с ними – и жизни тех, кто там находился.

Офелия должна была ужаснуться, но не чувствовала ничего, кроме тупого изумления. Она смотрела на образовавшуюся пропасть сквозь решетку, которую наскоро соорудили на этой границе между землей и небом. По крайней мере, пыталась смотреть. Ливень кончился, но на город надвигалось море облаков. Этот грозный небесный прилив мало того что мешал ясной видимости, так еще и заволакивал ее очки мутной пеленой.

– Значит, Другой действительно существует, – констатировала она. – До сих пор это было абстрактным понятием. И сколько бы мне ни твердили, что я совершила ошибку, освободив его; что он вызывает разрушение ковчегов по моей вине; что я связана с ним, хочу я того или нет, – я до сих пор не чувствовала себя участницей всего этого. Да и как я могла освободить демона апокалипсиса из зеркала в своей собственной комнате и не вспомнить об этом?! Я даже не знаю, как он выглядит, как действует и зачем всё это устроил.

Вокруг Офелии сгустился такой туман, что ей почудилось, будто от нее остался один только бесплотный голос посреди небытия. Она судорожно вцепилась в решетку, как вдруг облачная завеса разорвалась, открыв кусочек неба над тем местом, где прежде высились дома северо-западного квартала.

– А теперь больше ничего нет. Что, если Анима... а может, даже и Полюс...

Она не успела договорить. Мужчины, женщины и дети канули в пустоту, которая разверзлась перед ней, но все ее мысли были обращены в первую очередь к ее собственной семье.

Стая испуганных птиц металась в воздухе в поисках исчезнувших деревьев. Где кончалось то, что превосходило разум? Все ковчеги, и большие и малые, вращались вокруг гигантского скопления облаков, в котором не было места никакой форме жизни. Рассказывали, что Ядро Мира было всего лишь сгущением постоянных облаков. Но даже сам Лазарус, знаменитейший из путешественников, так и не смог проникнуть внутрь него.

Офелия надеялась, что никто из ее близких не пострадал. Еще накануне она чувствовала себя такой умиротворенной. Полной радости. Она раскрыла подлинную сущность Тысячелетнего Бога, который повелевал их жизнями. *Другая Евлалия. Евлалия Дуаль*. Услышать наконец ее имя, узнать, что под ним прячется скромная писательница-идеалистка, понять, что она не имела никакого права решать, что хорошо, а что плохо, – всё это принесло Офелии огромное облегчение! Только не следовало забывать, что самый грозный враг, может быть, таится под иной личиной.

«Ты приведешь меня к нему».

– Другой использовал меня, чтобы выйти из зеркала на свободу, а сегодня Евлалия Дуаль использует меня, чтобы разыскать Другого. И, поскольку эти двое вовлекли меня в свои злодеяния, я считаю всё это своим личным делом.

– Нашим.

Офелия повернулась к Торну, не видя его. В этом густом мареве он был всего лишь отдаленным угрюмым шепотом, и, однако, его голос показался ей куда более реальным, чем песок под ее сандалиями. Одним-единственным словом он принес ей облегчение.

– Если выяснится, что Другой причастен одновременно к гибели старого мира, к разрушению ковчегов и к превращению обыкновенной женщины во всемогущее божество, – продолжал Торн бесстрастным бухгалтерским тоном, – тогда он станет главной составляющей уравнения, с которым я пытаюсь разобраться уже много лет.

Послышался металлический щелчок. Этот характерный звук издавали карманные часы Торна, когда они поднимали и опускали крышку, напоминая о времени. С тех пор как их анимировали, они заразились маниями своего владельца.

– Обратный отсчет продолжается, – сказал Торн. – Для большинства смертных обрушения ковчегов, какими мы их наблюдаем, представляют собой природную катастрофу. Но нам-то отныне известно, что к природе это не имеет никакого отношения; более того – что они будут продолжаться. Однако мы ни с кем не должны это обсуждать, пока не узнаем, кому можно доверять и на какие доводы можно опираться. Прежде всего нам следует точно определить сущность отношений, связывающих Евлалию Дуаль с Другим; понять, чего они хотят, кто они, где они, как и почему делают то, что делают, и только потом использовать всю эту информацию в борьбе с ними. Желательно выяснить это как можно скорее.

Офелия зажмурилась. Налетевший ветер разогнал облачное марево, и солнечный свет внезапно обрушился на них знойным каскадом.

Теперь Офелия ясно видела Торна. Он стоял, как и она, лицом к решетке, устремив взгляд в бездонное небо, с часами в руке, неестественно прямой, слишком высокий. Золотые галуны его мундира ослепительно сверкали на солнце, но их блеск не смог заставить Офелию отвернуться. Напротив, она еще шире раскрыла глаза, желая насладиться этим сиянием. От Торна исходила такая непреклонная решимость, что она передавалась как электрический ток.

Офелия всем телом ощущала, кем он стал для нее, кем она стала для него, и ничто в мире не казалось ей более крепким, чем то, что их связывало.

Тем не менее она остерегалась подходить к нему. Вокруг никого не было – власти очистили это место от людей, – но они оба не забывали о протокольной дистанции, которую соблюдали между собой на людях. Ведь их разделяла глубокая социальная пропасть. Офелия не выдержала экзамена в «Дружной Семье» и осталась бесправной на Вавилоне. Торн же, напротив, носил имя Лорда Генри, почтенного Светлейшего Лорда.

– Евлалия Дуаль принимает тысячи разных обликов, *Другой* же не имеет ни одного, – добавил он. – Нам неизвестно, какими личинами воспользуются эти двое, когда наши дороги сойдутся, но мы должны быть готовы к отпору еще до того, как разыщем их. Или до того, как они разыщут нас.

Внезапно Торн заметил настойчивый взгляд Офелии, устремленный на него. Он прокашлялся, прежде чем сказать:

– Я не могу вырвать тебя у них, но могу вырвать их у тебя.

Он повторил, почти слово в слово, то, что уже говорил ей в Секретариуме Мемориала, только теперь обращаясь на «ты». Офелию беспокоило лишь одно: она верила всему, что он говорил. Торн рискнул своим именем и своим положением, чтобы окончательно избавить ее от пристальной слежки, которая была ей так тягостна и последствия которой она рисковала испытать на себе при первом же неверном шаге. Да, она знала, что Торн способен отказаться от всех своих привилегий, если это позволит ему достичь единственной, заветной цели. Он даже смирился с мыслью, что рядом с ним Офелия рискует подвергнуться опасности, – лишь бы это был *ее собственный* выбор.

– Мы не одиноки, Торн. Я хочу сказать: не одиноки в борьбе с ними. Арчибальд, Гаэль и Ренар разыскивают Аркантерру и, возможно, уже нашли ее. Если они убедят аркантерровцев нам помогать, ситуация быстро изменится к лучшему.

Торн скептически поднял брови. Накануне они с Офелией уже обсуждали это перед тем, как пронзительный вой сирен заставил их вскочить с постели. Но любое, даже мимолетное упоминание об Арчибальде неизменно вызывало у Торна одну и ту же реакцию:

– Он последний человек в мире, которому я стал бы доверять.

Солнечный просвет закрыла туча, и их снова обволокла серая хмарь.

– Завтра я уезжаю, – объявил Торн под нетерпеливое щелканье своих часов. – У меня новая встреча с Генеалогистами. Насколько я их знаю, меня ждет очередная миссия, имеющая отношение к нашему делу. Итак, до вечера.

Металлический скрип возвестил Офелии, что Торн уходит. Ножной аппарат избавил его от хромоты, но это было пока единственным благодеянием, которое оказали ему Генеалогисты. Торн надеялся проникнуть в тайны Евлалии Дуаль с их помощью: все они единодушно стремились положить конец ее владычеству. Однако работа на Генеалогистов была опасна, как игра с огнем. Они снабдили Торна фальшивыми документами, но в любой момент могли отобрать их у него, а без этого прикрытия – титула Лорда Генри – он вновь становился бесправным.

– Будь осторожен!

Торн замедлил шаг, и Офелия смогла разглядеть его угловатый силуэт.

– И ты тоже. Более чем осторожна!

Он удалился, и туман бесследно поглотил его. Офелия прекрасно поняла, что он имел в виду. Она порылась в карманах тоги. Там лежали ключи от дома Лазаруса, которые ей вручил Амбруз, и листочек с короткой запиской Елены, ее бывшей директрисы: *«При случае зайдите в мой кабинет, мне нужны ваши читающие руки»*.

Наконец Офелия нашла то, что искала, – алюминиевую пластинку. На ней были выгравированы те же арабески, что украшали Книги Духов Семей, – код, изобретенный Евлалией Дуаль, который по сей день не был расшифрован. Эта пластинка с дырочкой посередине – следом ружейной пули – была единственной вещью, оставшейся от старика-уборщика из Мемориала. Офелию начинало тошнить при одном лишь воспоминании о нем. Он оказался одним из Духов Семей, хранителем прошлого Евлалии Дуаль, и он же смертельно напугал Офелию. Ее спас сын Бесстрашного-и-Почти-Безупречного, желавший отомстить за погибшего отца. На ее счастье, он целился старику в лоб, к которому была прикреплена пластинка. Пуля пробила выгравированный код, и старый подметальщик мгновенно исчез, растаял, как дурной сон. Исчезла жизнь, заключенная всего в нескольких строчках... Когда Офелия рассказала Торну эту историю, та ему очень не понравилась.

Она выбросила пластинку за решетку, в пустоту. Алюминий блеснул в воздухе последний раз, перед тем как исчезнуть в облачной бездне, там, куда канули несчастные обитатели этого края ковчега.

И тут Офелию обожгла мысль о ее поддельных документах. *Евлалия*. Она бездумно выбрала это имя – то самое имя, которое принадлежало ее противнице. Более того – ее иногда осаждали странные воспоминания. Так где же начиналась память Евлалии и где кончалась ее собственная? Как ей существовать в настоящем, если ее прошлое – такая безнадежная головоломка? Как мечтать о будущем, если окружающий мир рушится на глазах? И можно ли чувствовать себя свободной, если ее жизненный путь обречен скреститься с путями Другого? Да, она выпустила его на свободу – и теперь готова была нести за это ответственность, но винила их обоих – Евлалию Дуаль и Другого – в том, что они отняли у нее шанс стать самой собой.

Офелия дунула на туман, чтобы его разогнать. Она не упустит ни одного следа, на который укажет ей вторая память. Ведь история Евлалии, Другого, Духов Семей и нового мира началась на Вавилоне. И пусть кругом всё рушится, но она, Офелия, не покинет этот ковчег, пока не раскроет все его тайны до последней.

И она решительно отвернулась от зияющей пустоты.

Совсем рядом кто-то стоял. Какая-то тень, почти неразличимая в тумане.

Странно, власти ведь очистили квартал от людей. Давно ли этот кто-то находится здесь? Неужели он подслушал то, о чём недавно говорили Торн и Офелия? Или же какой-то человек просто пришел погоревать на место недавней катастрофы?

– Здравствуйте?..

Тень не ответила, но медленно направилась к завесе тумана. Офелия дала ей отойти подальше и стала красться следом, пробираясь между силуэтами покинутых палаток. Может, у нее просто разыгралось воображение, но, если этот любопытный (или любопытная?) действительно их подслушивал, хорошо бы по крайней мере знать его в лицо.

После обрушения от Большого рынка пряностей осталась лишь половина. Автомат для раздачи прессы, не получивший подзарядки, застыл в центре площади, как статуя, воздев руку с зажатой в ней вчерашней газетой. Самым пугающим в этом безмолвии были тихие звуки, которые Офелия никогда не уловила бы в обычное время. Журчание воды в сточной канаве, жужжание мух над продуктами, брошенными на прилавках. Ее собственное дыхание. Но при этом – ни единого шороха со стороны тени, которая уже исчезала впереди.

Офелия ускорила шаг.

Внезапный порыв ветра разогнал туман, и она вздрогнула при виде своего отражения. Еще миг, и она врезалась бы в витрину магазинчика.

СТЕКЛЯННЫЕ ИЗДЕЛИЯ. ЗЕРКАЛА

Офелия тщетно озиралась, глядя сквозь очки во все стороны, – вокруг не было ни души. Тень ускользнула от нее... ну что ж, тем хуже.

Она подошла к магазинчику. Хозяин, видимо, напуганный обрушением, сбежал, даже не заперев дверь. Изнутри доносился тихий бормоток невыключенного радиоприемника:

– ...у нас в редакции газеты «Официальные новости». Гражданин, вы стали одним из немногих свидетелей трагедии... трагедии, которая обрушилась на Вавилон вчера утром. Расскажите всё нашим слушателям.

– Я до сих пор не верю тому, что видел... Но всё же я это *really*⁵ видел... Или, скорее, нет, не видел, а... Вообще-то сложно объяснить...

– А вы просто расскажите всё как было, гражданин.

– Ну, я пришел на свое место и начал расставлять палатку. Дождь лил как из ведра. Прямо разверзлись хляби небесные... да, хляби. Мы все даже подумали: не свернуть ли нам торговлю? И вот тут я вдруг почувствовал... как бы икоту.

– Икоту?

– Ну, будто кто-то икнул... такой легонький толчок. Я ничего не увидел, не услышал, но ощутил... да, именно ощутил...

– А что случилось потом, гражданин?

– Потом я понял, что все другие тоже его ощутили, толчок этот. Мы все повыскакивали из палаток... да, из палаток. И – вот ужас-то! Гляжу, а соседняя палатка... она исчезла! Бесследно исчезла, а на ее месте одни облака. Как подумаю, что это мог быть я...

– Спасибо, гражданин. Дорогие радиослушатели... слушатели, вы слушаете передачу на волне газеты «Официальные новости». Светлейшие Лорды запретили движение... движение в северо-западном секторе города в целях вашей безопасности. Они настоятельно рекомендуют вам ни в коем случае не читать подброшенные листовки, грозящие нарушить общественный порядок. Напоминаем также, что в настоящее время в Мемориале организована перерегистрация... перерегистрация...

Офелия не стала слушать дальше, ее раздражали эти повторы. Прежде они были крайне редки, еще два дня назад почти не встречались, а теперь то и дело перемежали все программы.

---

⁵ Реально, на самом деле (англ.).

Лазарус как раз перед своим новым путешествием заявил, что «эхо – ключ ко всему». Вдобавок он сообщил Офелии, что она *аномальна*, как и он сам; что он исследует ковчеги по заданию Бога и что создает автоматы, дабы усовершенствовать окружающий мир, сделав его совсем уж прекрасным. Словом, Лазарус говорил без умолку и нес бог знает что, зато ему принадлежал красивейший дом в центре города, где расположились Офелия и Торн.

Офелия устремила пристальный взгляд в витрину. В последний раз, когда она проходила сквозь зеркало, ей удалось совершить огромный прыжок в пространстве, как будто ее семейное свойство созрело и укрепилось вместе с ней. Возможность проходить сквозь зеркала спасала Офелию во многих безвыходных ситуациях, но для мира было бы куда лучше, если бы она в самый первый раз воздержалась от этого. Ах, если бы ей удалось точно вспомнить, что произошло в том зеркале ее детской комнаты! От встречи с Другим у Офелии остались только жалкие крохи воспоминаний. Чье-то присутствие за ее отражением... Чей-то призыв, разбудивший ее среди ночи...

Освободи меня...

Ну вот она его и освободила, только куда он подевался и под какой личиной выступает теперь? Никто из ее знакомых – ни на Аниме, ни в других местах – не говорил о появлении такого удивительного создания.

И вдруг Офелия изумленно вытаращилась: в зеркале на витрине что-то было не так. Она стояла там в своем шарфе, хотя отлично помнила, что оставила его в доме Лазаруса. Строгий вавилонский дресс-код запрещал ей выходить на люди в цветной одежде, и она подчинилась, чтобы не привлекать к себе внимание. Но главное, она увидела в зеркале нечто другое, пострашнее. Ее тога была вся в крови, очки вдребезги разбиты. Она умирала. Там же виднелись, хотя и смутно, Евлалия Дуаль и Другой, а вокруг них царил пустота.

– Ваши документы, *please*⁶.

У Офелии замерло сердце; она обернулась. Перед ней стоял стражник с властно протянутой рукой.

– Этот сектор закрыт для гражданских лиц.

Пока он изучал фальшивые документы Офелии, она испытала новый шок: отражение в зеркале вернуло себе нормальный облик. Никакого шарфа, никакой крови, никакой пустоты вокруг. Когда Офелия жила на Полюсе, у нее уже бывали подобные видения. Сперва неясная тень, потом ее отражение – может, она стала жертвой галлюцинации? Или, хуже того, чьих-то происков?

– Анимистка в восьмом поколении, – констатировал стражник, возвращая ей документы. – Стало быть, вы нездешняя, *miss* Евлалия!

Патрулирование сектора, близкого к месту обрушения, явно действовало на него угнетающе. Его длинные уши акустика тревожно вертелись во все стороны.

– Но у меня есть постоянное место жительства, – возразила Офелия. – Я могу идти?

Стражник бросил пытливый взгляд на ее лоб, словно искал на нем какой-то знак.

– Нет. Вы нарушили приказ. Разве вы не слышали объявление? Вы обязаны явиться в Мемориал для перерегистрации. *Now*⁷.

---

⁶ Пожалуйста (*англ.*).

⁷ Здесь: немедленно (*англ.*).

Подпись

Трамаэро был набит под завязку, однако Офелии удалось кое-как туда втиснуться: стражник успел толкнуть ее внутрь за миг до закрытия дверей. Она не могла и шевельнуться, чтобы не наступить на чью-нибудь ногу. Воздух был раскален, а запах дыхания пассажиров перекрывал даже зловонное дыхание гигантских химер на крыше вагона. Где-то в давке захлебывался плачем грудной младенец. Люди, окружавшие Офелию, выглядели одинаково подавленными. Зачем всех везут в Мемориал? Где причина внезапной перерегистрации тех, кто не является коренным жителем Вавилона? Как это связано – и связано ли? – с разрушением ковчегов? Несмотря на тревогу, никто не осмеливался задавать вопросы вслух. Офелия размышляла о том, что вокруг нее наверняка стоят выходцы с Весперала, Зефира, Корполиса, Пломбора, Ситэ, Тотема... Все изобретения, которыми пользовались в городе, были делом их рук, плодом их совместных усилий, начиная с этого вот трамаэро, в котором они сейчас задыхались и который всё никак не мог тронуться.

Люди были сильно встревожены, но Офелия – больше других. Ей, с ее поддельными документами и задачей воспрепятствовать вселенскому бедствию, уж никак нельзя было проходить перерегистрацию. Отражение в зеркале магазина, то ли реальное, то ли мнимое, потрясло ее до глубины души.

Прижатая к застекленной дверце вагона, она разглядывала толпу, в панике суетившуюся на перроне. Какой-то торговец обматывал веревками ковры на своей тележке; пожилая дама с трудом протискивалась между людьми, таща за собой коляску, набитую детьми; посреди улицы бестолково метался зебу, мешая проходить людям. И ведь все они бежали не просто так: квартал оказался на самом краю пропасти, а дальше зияла пустота. Им было страшно... И любой из них в этой толпе вполне мог оказаться Другим.

Внезапно на улице появился робот на велосипеде. В высшей степени оригинальное зрелище – безглазый, безносый и безгубый автомат накручивал педали, врезаясь в толпу, а из его живота доносился хриплый голос, записанный на пленку:

– Выпалываю сорные травы... травы, чищу медную посуду... посуду, кладу заплатки на сандалии... сандалии... и никогда не устаю. Нанимайте меня, и вы избавитесь от угнетения человека человеком!

Сквозь стекло Офелия встретила взглядом с мужчиной на перроне: он сидел на чемодане, явно слишком тяжелом для него, и выглядел загнанным беженцем, не знающим, где он проведет ближайшую ночь. Вдруг он крикнул, обращаясь к Офелии и к ее соседям по вагону:

– Найдите себе другой ковчег! Оставьте Вавилон вавилонянам!

Трамаэро наконец отошел от перрона. Офелия чувствовала себя совершенно разбитой, и не только из-за воздушной болтанки. На протяжении всего маршрута она старалась не смотреть вниз, в пустоту под морем облаков. И облегченно вздохнула, когда дверцы вагона раскрылись на площади перед Мемориалом.

Подняв голову и поправив очки, она обвела взглядом это фантастическое сооружение, напоминавшее одновременно и маяк, и библиотеку. Такое колоссальное, что оно полностью подмяло под себя маленький ковчег, оставив место лишь для нескольких кустов мимозы. Здесь, в его стенах, Офелия провела много дней, а иногда и ночей, составляя каталоги, проводя экспертизы, классифицируя материалы, пробивая карточки.

Здесь она была почти дома.

Гвардейцы Поллукса выкрикивали приказы:

– Освободите вагоны, *please!*

– Пройдите вперед, *please!*

– Подождите, *please!*

Едва пассажиры вышли на перрон, как толпа граждан, уже прошедших регистрацию, ринулась внутрь, чтобы вернуться в город. Каждый из них носил на лбу какой-то странный знак.

Офелия словно попала в капкан, угодив в нескончаемую очередь под жгучим солнцем. Как же она завидовала стоявшему за ней дряхлому водолею, который наколдовал себе маленькую тучку над головой!

Долго, бесконечно долго стояла она возле статуи обезглавленного солдата, такой же древней, как и всё остальное. Мемориал существовал еще в эпоху древнего мира – тот самый Мемориал, где Евлалия Дуаль воспитывала Духов Семьи. Не здесь ли она встретилась с Другим? И не здесь ли они сообща задумали Раскол? Мемориал носил следы этой катастрофы. Тогда одна его половина обрушилась в пустоту, но была восстановлена дерзким архитектором и теперь гордо высилась над морем облаков. Всякий раз, глядя на Мемориал, Офелия спрашивала себя: как его творец ухитрился придать этой башне такую устойчивость?

И вдруг всё исчезло из виду. Порыв ветра прилепил к очкам Офелии оранжевый листок с речовкой:

Мы будем пить! Мы будем курить!
Мы не признаём запрета!
Мы готовы любую бузу заварить,
Чтоб отпраздновать конец света!

Офелия перевернула листовку. На оборотной стороне была напечатана только одна фраза:

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К ПЛОХИМ ПАРНЯМ ВАВИЛОНА!

Бесстрашный-и-Почти-Безупречный погиб, но его сторонники продолжали великое дело своего вождя.

Один из стражников вырвал листовку из рук Офелии и приказал:
– Входите, *please!*

Она наконец прошла в двери Мемориала и, как всегда, в первый момент почувствовала себя совсем крошечной в сравнении с гигантским вестибюлем, с просторным атриумом, вертикальными воздушными коридорами-трансцендиями, читальными залами, висевшими под потолком, глобусом Секретариума, парившим под куполом, но, кажется, больше всего – в сравнении с тысячами книжных полок, сокровищницей знаний. Однако едва первое угнетающее впечатление прошло, Офелия ощутила себя возвеличенной всеми этими страницами, этими неслышными голосами, казалось, шепчущими ей, что и она имеет право возвысить свой собственный голос.

Длинная людская река разделилась на несколько потоков, которые текли в глубину атриума. Немногочисленные мемориалисты, которых Офелия замечала на верхних этажах, крались на цыпочках, отводя глаза, словно стыдясь того, что эта перерегистрация проходит здесь, у них. Офелия стала высматривать среди них Блэза, но сразу поняла, что его тут нет: бедняга-рассылный был таким невезучим, что его присутствие никогда не проходило незамеченным. Зато здесь обнаружилось множество роботов, которые расхаживали взад-вперед по залу с портативными пишущими машинками.

После нескончаемого ожидания настал и черед Офелии. Она невольно охнула, когда разглядела за стойкой тоненькую стройную предвестницу с пышными рыжими волосами, небрежно забранными в конский хвост.

Элизабет.

Она была командиром ее роты предвестников. Офелия ценила своеобразный характер этой молодой женщины и восхищалась ее умом, но порицала за слепую преданность элите ковчега. И если поддельные документы Офелии покажутся Элизабет подозрительными, ее нипочем не расстрогаешь.

– Вот и ты опять? – спросила она вместо приветствия, когда настала очередь Офелии. – Добро пожаловать к стойке мигрантов Вавилона.

Как всегда, она говорила без намека на улыбку. Ее набухшие серые веки нависали над глазами, как абажуры. Веснушкам не удавалось скрыть бледность лица. Сейчас Офелия, долго простоявшая на солнце, была похожа на вавилонянку куда больше, чем она.

– Ты не очень-то презентабельна, – заметила Элизабет, указав своей авторучкой на вспотевший нос Офелии.

– Да и у тебя вид не блестящий, – отбрила та.

Возразить было трудно: Элизабет всегда выглядела неважно. Она недоуменно подняла брови, явно шокированная тем, что Офелия обратилась к ней на «ты», но вспомнила, что та ей уже не подчиняется, и позволила себе расслабиться.

– Нам запрещен макияж, мы обязаны выглядеть абсолютно натуральными во время отправления своих обязанностей. Ну-ка предъяви мне документы, Евлалия, и я проверю, насколько *ты* у нас натуральна.

– А что происходит? Почему нас всех здесь собрали?

– М-м-м? – протянула Элизабет, оторвав взгляд от документов, которые она изучала. – Светлейшие Лорды решили провести обязательную перерегистрацию для всех мужчин и женщин, прибывших на Вавилон меньше чем десять лет назад. И, уж можешь мне поверить, их тут видимо-невидимо! – объявила она, флегматично указав на длиннейшие вереницы людей, которым не было конца. – Я добровольно вызвалась помогать. Конечно, временно. Скоро я узнаю, куда меня переводят. Я уже получила несколько предложений.

В данный момент будущее Элизабет волновало Офелию куда меньше, чем ее собственное. Фальшивые документы ей изготовил Арчибалд – как всегда, спустя рукава, приклепнув печать не там, где надо. Одного этого уже было достаточно, чтобы разоблачить подделку.

– Но почему? – настойчиво переспросила она. – Почему Лорды нас перепроверяют?

– А почему бы им вас не перепроверить?

Такого уклончивого ответа следовало ожидать: Элизабет, даже после получения своего последнего звания, не входила в число информированных лиц. Однако тот факт, что Светлейшие Лорды организовали столь масштабное действие на следующий же день после обрушения ковчега, непреложно свидетельствовал: это не случайное совпадение. Тут явно затевалось что-то недоброе.

– Элизабет, – шепнула Офелия, перегнувшись через стойку, – ты не знаешь, были ли обрушения еще где-нибудь, кроме Вавилона?

– М-м-м? А откуда я могу это знать?

– Но ты же предвестница.

По бесстрастной мине Элизабет Офелия поняла, что не получит ответа. Ей требовался более осведомленный источник. И она оглядела соседние стойки.

– А Октавио тоже здесь?

Сейчас Октавио был нужен Офелии не как сын Леди Септимы, принадлежавшей к вавилонской знати, а просто как человек, которому она доверяла – хотя это было довольно странно, если вспомнить, что они с Октавио искренне ненавидели друг друга во времена их учебы в «Дружной Семье».

– Октавио начал работать на полставки в «Официальных новостях», – ответила Элизабет. – И нам не положено делиться с тобой информацией. Сейчас я буду задавать тебе вопросы, чтобы пополнить твоё досье, а ты отвечаешь, коротко и четко.

И Офелия подверглась такому допросу, какого доселе не знала. Когда она прибыла на Вавилон? С какой целью здесь поселилась? С какого ковчега пожаловала? Каким семейным свойством владеет? Каково ее нынешнее место работы? Имела ли судимости? Страдал ли кто-нибудь из ее родственников заболеваниями – инфекционными и психическими? Как сильно она привязана к Вавилону, по шкале от одного балла до десяти? Какие сладости считает своими любимыми?

Офелия давно уже готовилась к вопросам о ее вымышленном происхождении, но сейчас ей пришлось напрячь все силы, чтобы спокойно отвечать Элизабет. Тем не менее она с трудом сохранила самообладание, заметив приближение необычной пары. Во всех длинных очередях воцарилось благоговейное молчание: люди перестали шептаться, выказывать нетерпение, зевать и кашлять. До сих пор Офелия видела Генеалогистов только издали – на церемонии вручения наград, которая проходила тут же, в Мемориале, – но сейчас без труда узнала их: они были в золоте с головы до ног. Даже их волосы и лица сверкали позолотой. Они шествовали улыбаясь, прижавшись друг к другу и держась за руки, словно прогуливались по парку.

У Торна была назначена с ними встреча, однако его рядом не оказалось, и это встревожило Офелию. Может, он ждет ее, как они и условились, в доме Лазаруса? Она очень надеялась, что на него свалилось меньше неприятностей, чем на нее.

Генеалогистов сопровождала юная девица из Семьи фараонов, которая испуганно вздрагивала всякий раз, как один из них касался ее руки или что-то шептал на ухо.

Офелия вся сжалась, увидев, что они направились в ее сторону. Почему среди множества стоек Мемориала они выбрали именно эту?

Подойдя, Генеалогисты с двух сторон наклонились к Элизабет.

– Что делает обладательница премии за совершенство на таком скромном посту? – спросил мужчина.

– Вы произвели революцию в базе данных Мемориала, притом единолично! – подхватила женщина. – Привлекать такого компетентного человека для этой примитивной работы просто неразумно, гражданин!

Элизабет, обычно невозмутимая, сейчас явно растерялась. Она встала по стойке смирно и произнесла традиционную формулу «Знание служит миру!», но Генеалогисты положили ей руки на плечи, заставив сесть.

– Не прерывайтесь из-за нас, юная *lady*⁸. Просто скажите: подумали ли вы над нашим предложением?

– О, я... я не успела...

– Достаточно простого «да», – сказала женщина.

– Это ведь прямо по вашей части, – сказал мужчина.

– И вы тем самым окажете большую услугу городу! – хором заключили они.

Офелия не понимала, о чём идет речь, но втайне порадовалась, что она не Элизабет, увидев, как та внезапно побагровела. Сейчас, когда Офелия могла рассмотреть Генеалогистов с близкого расстояния, их лица под золотой пудрой показались ей странными – они выглядели пупырчатыми, как гусиная кожа.

– *In fact*⁹, сначала я выбрала должность постоянной ассистентки Леди Елены, – почтительно ответила Элизабет. – Если бы не она, я оказалась бы на улице; я обязана ей каждым из моих галунов.

Генеалогисты обменялись заговорщицкими взглядами.

---

⁸ Леди; вежливое обращение к женщине, обычно благородного происхождения (*англ.*).

⁹ Здесь: вообще-то, честно говоря (*англ.*).

– Это, конечно, *very*¹⁰ трогательная история, гражданка, но ваша работа в Наблюдательном центре также напрямую связана с Леди Еленой. Приняв наше предложение, вы будете ей несравненно полезнее.

Бесстрастное лицо Элизабет горестно сморщилось. Офелия покосилась из-под очков на юную фараонку, но та делала вид, что этот разговор ей безразличен, и стояла пристально рассматривая свои туфли. Офелии было нетрудно определить ее роль в этой загадочной беседе. Врожденное обаяние фараонов позволяло им незаметно влиять на эмоции других людей, внушать доверие. Как правило, они работали в больницах, помогая успокаивать пациентов, но эта девушка явно не имела отношения к медицине.

– Тебе не обязательно решать прямо сейчас! – вырвалось у Офелии.

Она не смогла удержаться от предупреждения, видя душевные муки Элизабет, но ей тотчас пришлось пожалеть об этом. Генеалогисты, до сей минуты не удостоившие ее ни единым взглядом, грациозно обернулись к Офелии. Их ресницы были также покрыты золотом.

– Вы собирались что-то сказать, *miss*? – спросил мужчина, изучая фальшивые документы Офелии.

– Вы, кажется, хотите внести в свое досье какие-то поправки? – подсказала женщина, поглаживая ее свидетельство о рождении.

Они оба внушали Офелии такую глубокую антипатию, что она на всякий случай отступила подальше. Когда они с Торном заключили брак, каждый из них получил семейные свойства другого, и ей достались его когти, когти Драконов. Ее собственные свойства были безобидными, зато когти мужа играли с Офелией дурную шутку, когда она гневалась. Генеалогисты ее не знали, но она-то знала их, видела насквозь. Они не желали добра своему городу, они желали стать тем, чем стала Евлалия Дуаль. Однако Офелия понимала, что должна сейчас выглядеть жалкой ничтожной иностранкой, иначе она сильно навредит и Торну, и самой себе.

И она проглотила вместе со слюной свою гордость и свои свойства.

– Нет.

– Ну так как же? – настойчиво спросили Генеалогисты, повернувшись к Элизабет. – Вы принимаете наше предложение, гражданка?

– *Milady, milord*¹¹, я... я почти за честь.

Женщина вынула из декольте свернутый контракт и разложила его на стойке. Мужчина протянул Элизабет ручку-самописку.

И она подписала документ.

Генеалогисты по очереди прошептали на ухо Элизабет сладкими голосами: «*Good girl!*»¹² – и удалились, рука в руке, в своих развевающихся золотых плащах; юная фараонка следовала за ними на почтительном расстоянии. Офелия вдруг почувствовала, как у нее пересохло во рту, пока они стояли рядом.

Элизабет вытерла вспотевший лоб, к которому прилипли волосы.

– Я... я, наверно, слишком поторопилась... подписать.

– А что это за предложение? – спросила Офелия.

Но тут поднялся возмущенный гам. Теперь, когда Генеалогисты скрылись из виду, все стоявшие в очереди громко выразили неудовольствие задержкой, а старик водолей пригрозил наколдовать грозу.

– Это тайна, я не имею права говорить о ней, – пробормотала Элизабет, которая всё еще не пришла в себя. – Да, кажется, я и вправду поспешила...

Она так растерянно моргала, что Офелия прониклась к ней жалостью.

---

¹⁰ Очень (*англ.*).

¹¹ Миледи, милорд; обращение к титулованной особе (*англ.*).

¹² Хорошая девушка, умница (*англ.*).

– Это фараонка постаралась.

– Надеюсь, ради твоего же блага, что ты не то имела в виду! Никто мной не манипулировал! – строго объявила Элизабет, возвращая Офелии документы. – Ведь речь идет о Светлейших Лордах! Так что твое обвинение в высшей степени преступно, тем более что оно исходит от особы, чье досье весьма сомнительно. Имей в виду: тебе придется предстать перед судом!

Не дав Офелии опомниться, предвестница перегнулась через стойку и с размаху поставила ей штамп на середину лба.

– Я пошутила. Пока что у тебя всё в порядке. Осталось пройти медкомиссию, а потом можешь отправляться домой.

Дом

– Ну вы по меньшей мере неординарная личность!

Офелия, сидевшая на табурете, близоруко щурилась, пытаясь разглядеть смутно маячившее перед ней лицо врача: для обследования глаз ей пришлось снять очки, и единственным, что она ясно видела, были его зрачки, блестящие в полумраке. Множество походных медицинских кабинетов было спешно оборудовано в помещениях множительной техники на втором этаже Мемориала. Офелия сидела в одном белье среди мимеографов, циклостилелей и ротаторов. Без очков и перчаток *чтищы*, лежавших сейчас вместе с ее одеждой и прочими вещами на крышке ксерокса, она чувствовала себя совершенно беззащитной.

Элизабет сказала, что у нее *пока* всё в порядке. Это «пока» очень тревожило Офелию. А вдруг выяснится, что ее досье не соответствует критериям вавилонской администрации? Дневной свет за окнами уже начинал меркнуть, но обследование продолжалось. А Офелии нужно было поскорее встретиться с Торном.

– Я могу идти? – спросила она. – Меня ждут... в другом месте.

Врач придвинулся к ней поближе. Его глаза визионера, яркие, как лампочки, превосходили точностью любые медицинские приборы. Он ни разу не прикоснулся к Офелии с момента ее прихода, даже давление ей не измерил, но что-то в его взгляде вызывало тревогу.

– *Miss* Евлалия, вам не приходилось быть жертвой несчастного случая? – спросил он, просматривая ее досье.

Он произнес эти два слова – «несчастный случай» – с какой-то особой интонацией, не свойственной речи, принятой на Вавилоне.

Офелия сощурилась. Уж не намекал ли врач на следы порезов, оставшиеся на ее теле от стеклянных осколков, которыми прорицатели осыпали ее, когда она принимала душ? Или он имел в виду более давний шрам на щеке, которым она была обязана сводной сестре Торна? А может, его смутили множественные переломы костей, полученные ею за последние годы?

Офелия уже поняла, что на Вавилоне опасно считаться человеком слабого здоровья. На ее лбу красовался штамп, который поставила Элизабет, и Офелия еще надеялась, что всё обойдется.

– Да, были такие случаи, – уклончиво ответила она. – Но это никогда не мешало мне выполнять свои обязанности.

Врач покачал головой, и тут Офелия заметила, что он беззастенчиво разглядывает низ ее живота.

– Я имел в виду несчастный случай другого рода... особого, – сказал он наконец, тщательно подбирая слова. – *Miss* Евлалия, согласно вашему досье, вы ни с кем не связаны матриониальными узами. Вы подтверждаете это?

– Но это мое личное дело.

Разговор принимал странный оборот, и он Офелии очень не нравился. Ей вообще не нравилось всё, чему ее подвергли с того момента, как силой привезли в Мемориал. Администрация Вавилона копала всё глубже и глубже, расследуя ее биографию, а бесцеремонное поведение этого врача и вовсе переходило все границы.

– Я хочу одеться, – заявила она.

– Вы страдаете одним органическим недостатком, *miss*.

Офелия, уже вставшая, чтобы сгрести с крышки ксерокса свои вещи, медленно опустилась на табурет, надела перчатки *чтищы*, потом очки, как будто всё это помогло бы ей лучше слышать.

Глаза врача блеснули еще ярче, буквально просвечивая ее насквозь; на его лице было написано странное возбуждение.

– Мне уже случалось наблюдать некоторые любопытные симптомы, но ничего подобного я доселе не встречал! Все частицы вашего тела как будто... *I don't know*...¹³ как бы это сказать... инверсированы, то есть перевернуты! Но я понятия не имею, какой несчастный случай мог спровоцировать такое.

«Несчастный случай с зеркалом, – мысленно ответила Офелия. – Самый первый. Тот, который освободил Другого».

– Я просто не постигаю, как вам удастся координировать свои движения, – продолжал врач; теперь его глаза потухли, как выключенные лампочки. – Вы, вероятно, были очень молоды, когда это с вами случилось, и ваш организм смог восстановиться почти *completely*¹⁴. Почти, – подчеркнул он с искренним, отеческим благодушием. – Вы понимаете, куда я клоню, юная особа?

– Понимаю. Я инверсирована. Мне уже об этом...

– У вас никогда не будет детей, – прервал ее врач. – Беременность для вас просто физически невозможна.

Офелия смотрела, как врач вписывает результаты осмотра в ее досье. Она помнила слова, которые он только что произнес, но смысл от нее ускользал. И она только снова спросила:

– Я могу идти?

– Вам следовало бы обратиться в Наблюдательный центр девиаций. Они не в силах вам помочь, но им наверняка станет интересно обследовать вас более тщательно. Они специализируются на подобных отклонениях. Одевайтесь, – добавил он, небрежно махнув в сторону ксеркса. – Осмотр закончен.

Офелия долго возилась с застежками сандалий, ее руки как будто утратили способность повиноваться мозгу. Наконец она вышла из кабинета, уступив место следующему пациенту. Второй этаж Мемориала был забит мужчинами и женщинами, ожидавшими своей очереди. При виде всех этих лбов, отмеченных клеймом, Офелии начинало казаться, что она попала на бойню. Охранник собирал тех, кто прошел медосмотр, и направлял их к выходу. Но у Офелии не было никакого желания снова давиться в трамаэро.

Она хотела побыть одной. Прямо сейчас.

Она знала, что в Мемориале нет ни лестниц, ни лифтов, но давно освоилась с искусственной гравитацией трансцендиев. И постаралась незаметно попасть в вертикальный воздушный коридор, который унес ее вверх, от толпы, а там пробралась в туалет. Если не считать обезьяны, лакавшей воду из раковины, она была наконец одна.

Офелия пристально взглянула на себя в зеркало. Она уже не боялась увидеть там нечто нереальное, как это произошло сегодня утром перед витриной магазина зеркал. Теперь ее ужасало то, чего она не видела, но что реально существовало.

Она приложила руку к животу – так осторожно, словно боялась что-нибудь ненароком сломать внутри, нажав сильнее. Значит, Другому мало было разрушить мир. Он вдобавок изуродовал и ее тело. Но почему же она не ощущает горечи, совсем ничего не чувствует? И не ропщет на судьбу – всё в ней молчит.

– Я никогда не представляла себя матерью семейства, да и Торн терпеть не может детей, – прошептала она, глядя в глаза своему отражению. – Значит, с этим никаких проблем не будет.

Она неуклюже вскарабкалась на раковину, мысленно приказала: «Домой!» – и нырнула в свое отражение.

---

¹³ Я не знаю (*англ.*).

¹⁴ Полностью, целиком (*англ.*).

Офелия совсем потерялась. В буквальном смысле слова. Проходя сквозь зеркало Мемориала, она была уверена, что выйдет из зеркала в доме Лазаруса. Но вместо этого ее захлестнуло чувство головокружительного, непостижимого падения, скорее похожего на взлет.

Всё стало смутным, расплывчатым.

Образы.

Звуки.

Мысли.

Внезапно Офелия почувствовала, что кто-то крепко держит ее за руку и тащит, шаг за шагом, по странной, незнакомой местности. Она попыталась сосредоточиться хоть на какой-нибудь части этой новой реальности. Там была статуя. Фигура обезглавленного солдата. Фигура солдата без головы – но на сей раз с головой. Солдат стоял на том же месте, перед входом в Мемориал, – только в те времена, когда там еще не было Мемориала.

А была военная школа.

Облечь в слова окружающие предметы – вот что помогало придать всему этому более четкие контуры. Здание, к которому они приближались, еще не имело того величественного облика, который архитекторы Вавилона придали ему позже, гораздо позже, и всё же оно внушало почтительный трепет. Эта пронзительная голубизна и это золото вокруг него были океаном и мимозой. Остров. Офелия почти наяву ощущала дурманные ароматы – соленый и сладкий. Почти. У нее заложило нос, она с трудом дышала.

Ступени. Женщина, державшая Офелию за руку, помогла ей взойти по этим ступеням, ведущим внутрь здания. Женщина? Да, голос, который нашептывал ей, что нужно поторопиться, несомненно, принадлежал женщине. Она говорила на незнакомом языке, но Офелия вполне могла бы его понять, если бы всё окружающее не было таким расплывчатым, таким зыбким.

Женщина усадила ее в помещении, напоминавшем вестибюль; правда, интерьер был слишком неопределенным, чтобы уверенно судить об этом. Ей чудилось, будто она плавает в акварели, разведенной в стакане воды. Офелия слегка встревожилась, заметив, что ее ноги не достают до пола. Неужели она так сильно уменьшилась? А куда ушла та женщина? Офелия больше не чувствовала, что она сжимает ее руку, но голос женщины доносился откуда-то издалека. И обращалась она уже не к ней, а к кому-то другому. Офелия заставила себя сосредоточиться, и ей наконец удалось перевести на понятный язык услышанную речь:

– ...и потом, у меня своих детей полно, разве я смогу прокормить еще одного ребенка?.. И потом, мой муж ушел на войну, а мне-то чего делать, на какие деньги жить?.. И потом, вы не думайте, она девочка прилежная, и вежливая, и умненькая притом! Очень даже умненькая... Да-да, она прекрасно говорит на нашем языке. Да что там – на нашем, еще и на многих других. А больше всего на свете любит придумывать новости, вы представляете? Придумает и печатает их на машинке, ну прямо как взрослая! Конечно, иногда и покапризничает, не без этого, но бедной малышке так досталось... Всю семью потеряла: и родители, и братья с сестрами, и дядья с тетками, и кузены – все сосланы, все до одного!.. Семья печатников, вроде бы так. Похоже, напечатали чего-то неположенное, а там с этим шутки плохи. Прямо чудо, как это ее упустили... Ее фамилие? Дийё. Нет-нет, пишется не «Дьё», как «бог», а «Дийё» – «и», а потом «й»¹⁵. Да-да, такое вот их фамилие, вечно мы все путали. Ну вот, значит, я тут услышала, что вы ищите детишков с высоким... как его... а, вот вспомнила: *с высоким потенциалом*; я в этом не шибко разбираюсь, не то что вы, но девчонка – она головастая, только и мечтает, что поработать для победы.

Офелия подняла голову: к ней кто-то подошел, но не та женщина, а какой-то мужчина. Офелия плохо его видела, однако в нем было что-то знакомое. Она инстинктивно почувство-

---

¹⁵ Фамилия Дийё (*Dilleux*) созвучна французскому слову Бог (*Dieu*).

вала, что должна идти с ним, и они долго пробирались по каким-то лестницам, таким же путанным, как и всё остальное. Человек шагал военной поступью, носил тюрбан и бурчал что-то неразборчивое. Офелия была уверена, что уже где-то видела его. Она сконцентрировалась на нем, перестав думать о себе, как всегда делала это во время *чтения*, и его фигура сразу же приобрела четкие контуры. Концом своего тюрбана он пытался скрыть – правда, безуспешно – низ лица с ужасной, видимо, недавней и плохо зажившей раной, которая лишила его половины нижней челюсти. Старый комендант. Старый комендант, который пока еще не был старым.

Он привел Офелию в какое-то странное помещение на самом верхнем этаже – она не сразу поняла, нравится оно ей или нет. Ясно было одно: ей предстояло провести тут много, очень много ночей.

Дом.

Офелию обступили мальчики и девочки всех возрастов, они смотрели на нее с любопытством и одновременно с опаской. Сироты, как и она сама. Она не различала ни одного лица, зато слышала их вопросы:

- А тебя как зовут?
- Ты откуда взялась?
- А ты случайно не шпионка?
- Ты войну-то видела?

И Офелия услышала свой ответ – серьезный ответ, произнесенный голосом, который принадлежал – и не принадлежал – ей:

- Меня зовут Евлалия, и я хочу спасти мир.

Сироты растворились в облаке пыли. А Офелия раскашлялась и никак не могла остановиться; стоило ей открыть рот, чтобы набрать воздуха, как туда забивалась паутина. В конце концов она упала на выщербленный паркетный пол; его острые занозы впивались ей в щеки.

Офелия изумленно оглянулась на зеркало, из которого вышла. Призрачные картины, только что увиденные в нем, уже таяли. Мать семейства, комендант, сироты – всех этих людей вместила крошечная доля секунды, которую занял ее мгновенный переход между зеркалами.

Однако на сей раз это никак не походило на галлюцинацию. Она участвовала в сцене, которая действительно произошла – *несколько веков назад*.

Офелия встала на ноги. Зеркало, висевшее в пустоте, было единственным предметом обстановки в комнате, где она очутилась. Ни дверей, ни окон – только маленькая отдушина на потолке, которая пропускала внутрь лучик света. Она знала, что это за место. Это была потайная комната, надежно скрытая в чреве глобуса, парившего в воздухе в самом сердце Секретариума, парившего, в свою очередь, в самом сердце вавилонского Мемориала.

Офелия подошла к зеркалу, висевшему в пустоте, и увидела свое пыльное отражение. Как и во время первого посещения, она смогла различить смутные контуры стены, на которой оно некогда висело. Поскольку Офелия уже *читала* это зеркало, она знала, что Евлалия Дийё жила здесь в те времена, когда еще не стала Богом. И ей ясно представлялось, как эта маленькая женщина – так похожая на нее, но притом совершенно другая, – печатала здесь на машинке свои детские сказки. Теперь Офелия понимала, что для Евлалии Дийё эта комната была чем-то бóльшим, нежели рабочий кабинет. Перед тем как стать школой мира, где Евлалия воспитывала Духов Семей, Мемориал был приютом для военных сирот, и там она провела свое детство.

Дом.

Вот куда хотела попасть Офелия, перед тем как шагнуть в зеркало туалета. И оно доставило ее сюда, разбудив в ней вторую память, которая Офелии не принадлежала.

– Это не мой дом, – с упреком сказала Офелия своему отражению, как будто они уже не понимали друг друга. – Я ведь не она!

Но едва Офелия произнесла эти слова, как поняла очевидное: во время первого посещения этого места она увидела Евлалию лицом к лицу с отражением в зеркале – отражением, к которому Евлалия обратилась напрямую; а сегодня этого отражения не было.

Что же она тогда сказала?

«Скоро, но не сегодня», – вспомнила Офелия.

И тут ей пришла в голову очень простая мысль: нужно рассказать об этом Торну.

Она снова нырнула в зеркало, стараясь действовать как можно аккуратнее и проявлять как можно меньше инициативы – иными словами, соглашаться на любые направления, не отдавая предпочтения ни одному из них. В результате ее выбросило в какое-то трудноописуемое пространство, где цвета и формы, расплываясь, смешивались друг с другом – так бывает, если закрыть глаза и сильно нажать на веки.

Некая промежуточная область между зеркалами. Темница Другого – как Офелия понимала теперь, – из которой она его освободила.

Офелия случайно попала в это двойственное пространство, когда сидела в изоляции «Дружной Семьи». И теперь начинала инстинктивно понимать, как можно в него проникнуть. Ей даже казалось, что отсюда почти различимы отзвуки голосов всех зеркал в мире, как бы далеко они ни находились.

Ни секунды не колеблясь, Офелия выбрала одно из них – то, что висело в атриуме дома Лазаруса. Она вынырнула из этого зеркала, висевшего над буфетом, и стала пробираться между кафельными плитками, как вдруг недоуменно спросила себя: туда ли она попала?

Она застала Торна лицом к лицу... с куклой.

Посланница

– Ну вот и вы наконец-то! – радостно воскликнул Амбруаз, выкатившись в своем механическом кресле навстречу Офелии, когда она неуклюже спрыгнула с буфета. Его оленьи глаза с длинными ресницами радостно блестели, выделяясь на темном лице. На коленях лежал шарф Офелии, свернувшийся клубком. – Мы уже слышали о перерегистрации. Надеюсь, у вас там не было проблем?

И Амбруаз сочувственно протянул Офелии обе руки – левую, находившуюся справа, и правую, находившуюся слева. Этот подросток тоже страдал тяжелой аномалией, но ее, в отличие от других, трудно было не заметить.

Аномалия Офелии была скрытой, невидимой. Еще более противоестественной.

– Мои поддельные документы меня выручили, – ответила она. – Только я не поняла, в чём смысл подобных формальностей.

– В этом было всё что угодно, кроме смысла.

Торн произнес эти слова своим низким чеканным голосом. Он сидел на бортике бассейна, до краев наполненного водой после недавних ливней, и неотрывно, словно гипнотизируя, сверлил взглядом куклу, которую посадил на скамеечку, лицом к себе.

– Во всяком случае, – медленно произнес он, – это наверняка не останется втуне. Светлейшие Лорды готовят план.

– Какой?

– Не знаю. Я ведь только ношу их мундир, не более того.

Офелия протянула было руку, чтобы взять свой шарф, но тот строптиво обмотался вокруг тела Амбруаза и даже обвинил трехцветным тюрбаном его голову. Офелия вздохнула: ей было тяжело видеть его привязанность к другому человеку. С тех пор как они с шарфом разлучились – по ее вине, – их отношениям пришел конец.

Амбруаз с виноватой миной протянул Офелии плоскую тарелку риса.

– Вы, наверно, жутко проголодались, и я велел нашему кухонному роботу приготовить вам поесть. *Sorry!*¹⁶ – со вздохом извинился он, увидев, как у Офелии выступили слезы на глазах после первой же ложки. – Наш повар слишком увлекается пряностями. А что это у вас на лбу?

– У Мемориала не хватило бумаги, – иронически бросила Офелия.

И, подойдя к зеркалу, из которого прошла в дом, попыталась стереть штамп. Но это ей не удалось; вдобавок она украсила свой лоб еще и желтой полосой от соуса карри.

– Алхимические чернила, *miss*, – объяснил ей Амбруаз. – Они сотрутся только в день и час, назначенный администрацией Вавилона. Придется потерпеть.

Этот мальчик был воплощением доброты. Он ничем не походил на Лазаруса, затейника и весельчака, который предпочел стать пешкой какого-то Бога, вместо того чтобы заботиться о родном сыне. У Офелии не хватило духу попрекать Амбруаза ни этим родством, ни благосклонностью ее шарфа. Она ответила ему сердечной улыбкой.

Амбруаз указал на Торна, который упорно не отрывал стального взгляда от стеклянных глаз куклы.

– Ваш муж пришел сегодня с новой гостьей. Мне было бы *extremely*¹⁷ интересно узнать о ней побольше, но он не пожелал со мной откровенничать. Поэтому я нашел себе другое занятие: придумал целых тридцать четыре причины, объяснявшие, на что такому серьезному человеку эта игрушка.

---

¹⁶ Извините (*англ.*).

¹⁷ Очень, крайне (*англ.*).

Торн сокрушенно вздохнул:

– И все причины он перечислял вслух!

Офелия проглотила рис с жадностью, которая свидетельствовала о том, как она проголодалась. Наконец-то ее желудок перестал подавать тревожные сигналы. *Дом...* Она была *дома*.

– Я присяду?

Торн перевел на Офелию пронзительный взгляд, которым до сих пор сверлил куклу. Он кивнул, хотя прекрасно знал, что она не нуждалась в его позволении, когда хотела сесть рядом с ним.

Но таков был их уговор: Офелия не должна делать ничего, что могло заставить его врасплох.

Она примостилась на бортике бассейна и тоже стала смотреть на куклу, сидевшую на каменной скамье. Нежное фарфоровое личико с раскосыми глазами под красивой темной челкой слегка напоминало ей Дзен, ее бывшую соученицу по роте предвестников.

– Это что, подарок Генеалогистов?

– Их посланница, – ответил Торн. – Они никогда не обращаются ко мне напрямую, чтобы давать инструкции. У них такой своеобразный юмор.

– Ага, значит, я был не так уж далек от истины в своей девятнадцатой гипотезе! – объявил Амбруз, подъехав к ним с чайным подносом у себя на коленях.

На Вавилоне температура напитков зависела от погоды: чем жарче грело солнце, тем горячей был чай. Офелия стала усердно дуть в чашку, которую неосторожно схватила с подноса. Увы, аромат мятного чая был сразу вытеснен настырным запахом спирта, входившего в состав дезинфицирующей жидкости, которой пользовался Торн, – он сидел совсем рядом. Дождевая вода в бассейне с кувшинками у них за спиной – и та пахла не так назойливо. Офелия уже привыкла к маниям Торна, но эта приняла поистине угрожающие размеры с тех пор, как он стал Лордом Генри.

– И что же гласило послание?

Торн протянул руку и снял куклу со скамьи. Расстегнув кимоно у нее на спине, он показал Офелии заводной ключик, спрятанный под одеждой.

– Пока не знаю. Запись можно прослушать только один раз. Я ждал твоего прихода, чтобы ознакомиться с ней...

Предложение прослушать куклу доселе не фигурировало в числе общих супружеских дел, к которым Офелии хотелось бы приобщиться. И она смотрела не столько на куклу, сколько на державшие ее длинные костлявые руки Торна. Засученные рукава обнажали некоторые из пятидесяти шести шрамов, испещрявших его тело. Офелия видела их все и, вспоминая об этом, каждый раз вздрагивала как в первый, чувствуя себя избранной.

Встретившись с ней взглядом, Торн откашлялся, поправил единственную прядь, грозившую выбиться из идеально гладкой прически, и добавил каким-то чопорным, непохожим на обычный тоном:

– ... чтобы ознакомиться с ней вдвоем.

Офелия кивнула и повторила:

– Вдвоем.

Амбруз несколько раз перевел глаза с Офелии на Торна и обратно, потом дал задний ход своему креслу.

– Ну, я... *well...*¹⁸ оставляю вас одних. Позовите меня, если что-нибудь будет нужно.

– Желательно соблюдать бдительность, – предупредил Торн, когда скрип инвалидного кресла затих между колоннами. – Этот мальчик посвящен в большинство наших секретов, он открыл для нас двери своего дома, но это вовсе не значит, что он наш союзник. Я ничуть не удивлюсь, если узнаю, что его отец поручил ему следить за нами в свое отсутствие.

---

¹⁸ Хорошо (*англ.*).

Сейчас Торн говорил со своим жестким северным акцентом. Амбруаз, конечно, знал о его происхождении, но Торн снимал маску Лорда Генри лишь наедине с Офелией. Она бросила взгляд на его аккуратно сложенный мундир, оставленный в углу атриума: он избавился от него, как от чужой кожи. Эмблема Светлейших Лордов в виде солнца сияла, отражая свет электрических ламп.

Ночь упала на город, словно театральный занавес. Офелия подняла голову, но не увидела в небе над сдвинутой крышей атриума ни одной звезды. Город затопила новая приливная волна тумана, его сырые ключья уже проникали и сюда.

– Давай послушаем запись, – предложила она, отставляя чашку.

Торн долго вращал заводной ключик на спине куклы. Наконец раздался пронзительный голос, от которого испуганно зазвенела фарфоровая посуда.

«Приветствуем вас, *dear friend!*»¹⁹

Офелия поправила очки, сползавшие вниз. Если это и был голос одного из Генеалогистов, то в процессе звукозаписи он стал совершенно неузнаваемым.

«Поздравляем вас с назначением на пост главного семейного инспектора, – продолжала кукла. – Завтра на рассвете вас примут в Наблюдательном центре девиаций, в чьих стенах... стенах вы проведете несколько недель. По официальной версии, вам поручено проверить, правильно ли расходуются щедрые субсидии, отпущенные Центру меценатами – Светлейшими Лордами. Ваш неоценимый опыт в области бухгалтерского учета позволит вам, как высококлассному специалисту, успешно провести данную ревизию. Тем не менее мы надеемся, что эта *very* долгая процедура оставит вам время на другое, параллельное обследование... обследование».

Наблюдательный центр девиаций был основан с целью изучения и корректировки некоторых патологий, однако мы знаем, что это только внешняя сторона его деятельности, умело организованной и почти недоступной постороннему взгляду. Несмотря на всё наше влияние... влияние, мы так и не смогли получить доступ к скрытой стороне работы данного учреждения – нам отказывали под предлогом соблюдения *врачебной тайны*. Мы уже давно подозреваем, что Центр занимается подпольной деятельностью. Одному из наших информаторов удалось туда внедриться. В своем последнем донесении он сообщил нам о существовании некоего секретного проекта.

Ему присвоено название „Корнукопианизм“²⁰.

Наш информатор не успел сообщить нам дополнительные сведения: он бесследно исчез. У нас есть все основания полагать... полагать, что ответы на наши – а также ваши – вопросы связаны с данным проектом.

Вы исполнили наше первое поручение, сообщив нам некое имя, *dear friend*. Мы провели скрытое расследование в древнейших архивах, закрытых для публичного доступа, и выяснили, что Наблюдательный центр девиаций являлся *военной базой* в далеком прошлом, задолго до того как эти слова попали в список запрещенных нашим Индексом. На военной базе, помимо всего прочего, велись работы над одним проектом в режиме строжайшей... строжайшей секретности.

Угадайте, чье имя фигурирует в этом древнем проекте?

Да. То самое.

Теперь вы понимаете, *dear friend*? Тайна, которая превратила эту женщину в то, что нам известно, – а именно в обладательницу абсолютной власти, способную, среди прочего, обма-

---

¹⁹ Дорогой друг (*англ.*).

²⁰ Корнукопианизм (от *лат. cornucopia* – рог изобилия) – взгляды сторонников технократической модели мира, считающих, что человечество выживет благодаря достижениям науки и техники и что ресурсов Земли достаточно для всех. Основные положения этого учения: природа должна быть завоевана для экономического роста; все проблемы могут быть решены технологическими нововведениями.

нуть смерть... смерть и спасти наш мир от полного разрушения, – эта тайна скрыта в Наблюдательном центре девиаций.

Те, кто реально подчиняется Центру, намного обогнали нас в данном направлении. И вам, *dear friend*, надлежит круто изменить ситуацию. Все ваши вещи уже собраны и ждут вас там, на месте. Мы не станем оскорблять вас описанием того, что случится... случится с нашим добрым старым другом Лордом Генри в том случае... случае, если его постигнет неудача».

Раздалось невнятное шипение – знак того, что запись уничтожена, – и кукла умолкла.

Офелия изо всех сил старалась скрыть смятение, охватившее ее при прослушивании этого послания, но ее выдавали потемневшие очки. Только сейчас она ясно осознала, как сильно ненавидит Генеалогистов. Да, они открыли Торну двери в свой мир, который иначе был бы ему недоступен, но потом – с каким наслаждением они использовали его, играли им, словно он был для них такой же послушной куклой, как эта, вызывавшая у нее гадливость!

Однако сам Торн, казалось, не придавал их угрозам никакого значения. Напротив, в его прищуренных глазах и сосредоточенном взгляде угадывалось удовлетворение. Он посадил куклу на прежнее место и тотчас вынул из кармана пузырек с аптечным спиртом, чтобы продезинфицировать руки.

– Наблюдательный центр девиаций, – повторил он. – Если Генеалогисты правы, значит, именно там Евлалия Дийё стала Богом, и мы напали на правильный след.

Офелия нырнула в раскосые, пугающе живые глаза на нежном фарфоровом личике куклы. Ну и ну, опять этот Центр! И она вспомнила, что сказал ей врач в Мемориале по поводу ее женской аномалии: «Они не в силах вам помочь, но им наверняка станет интересно обследовать вас более тщательно». От одной этой мысли у нее схватило живот. Ей нужно было обсудить всё с Торном. Но она лишь сказала:

– Я уже была однажды в Центре девиаций.

Правда, тогда она попала только в застекленный зал для посетителей. Это случилось во время учебы Офелии в роте предвестников: ее злейшую соперницу Медиану заперли в Центре после того, как она лишилась рассудка, смертельно напуганная стариком уборщиком из Мемориала. Офелия пыталась расспросить девушку, но так и не смогла хоть что-нибудь вытянуть из этой несчастной – настолько глубока была ее психическая травма.

– Центр – огромное внушительное учреждение, оно целиком занимает отдельный ковчег. Должна заметить, что их персонал ведет себя довольно странно. Они сказали, что у них есть моя медицинская карта, но не ответили ни на один из моих вопросов... Постой-ка! – воскликнула Офелия, пораженная внезапно пришедшей мыслью. – Генеалогисты хотят послать туда Элизабет! Они сегодня говорили с ней о каком-то Центре, но я тогда не сопоставила...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.